

ВЛАДИМИР ЖУРАВЛЁВ

У графских развалин

Рассказ

*Кому осталось жить одно мгновение,
Тому уж нечего скрывать.*

Филипп Кино, французский поэт XVII в.

1

Корреспондент областной молодёжной газеты Женя Иволгин возвращался из далёкой деревни, куда был командирован по критическому письму. Председатель колхоза встретился и простился с ним крайне недружелюбно, даже не дал транспорт до станции, мотивируя это якобы поломкой машины. А рейсовые автобусы уже не ходили. Жене пришлось возвращаться своим ходом и прятаться под капюшоном дождевика, чтобы не промокнуть под начавшимся дождём.

До станции было около пяти километров. Женя преодолел примерно треть пути, когда за спиной послышался рокот мотора и в лужах блеснули лучи фар. Это была крытая брезентом машина, водитель которой проявил благородство, затормозил, приоткрыл дверцу кабины и крикнул:

— Тебе куда, пешеход?

— На станцию, — сказал Женя.

— Садись, довезу, — пригласил водитель.

Расположившись на стареньком, покрытом рогожкой сиденье, Женя облегчённо вздохнул:

— Спасибо. Я уже думал, что околею на этой безлюдной дороге.

— Да, места здесь глухие, настоящий медвежий угол, — отозвался водитель. — И чего тебя потянуло в такую темень? Переночевал бы до утра.

— Не получилось. Я тут в командировке, а дело такое, что ни ночлег, ни транспорт не положены.

— Ревизор, что ли?

— Нет, корреспондент.

— Понятно. Видать, какую-то правду решил написать?

— Решил, да вот не знаю, напечатают ли.

— А что, у вас не всякую правду признают?

— Не всякую, — ответил Женя.

— Нелёгкая тогда у тебя работёнка. Зачем же занялся таким делом?

— А чёрт его знает! Может, брошу когда-нибудь. Хотя везде свои сложности.

— Это верно, — согласился водитель.

Его сухощавое лицо и грубоватые жилистые руки время от времени освещались вспышками молний. Словно защищая от них автомобиль, водитель часто переключал скорости, нащупывая лучами фар колею, особенно на взгорках, дабы не заехать в кювет, за которым тянулись неровные силуэты телеграфных столбов, и за ними ещё не освободились от листвы берёзы и осины.

— Ну и шоссе... — пытаюсь продолжить разговор, сказал Женя.

— Да. Не ремонтировали с послевоенных времён, — ответил водитель. — Некому. Мужиков в деревнях мало. Кого-то ещё в тридцатых годах на стройки и заводы позабирали, а многие не вернулись с войны. Вот дороги в этих местах и остались без хозяина. Скорее бы добраться до графских развалин. Дальше начинается асфальт до самой станции.

— А что это за развалины? — поинтересовался Женя. — Я видел какие-то утром, когда ехал на автобусе мимо деревни, не знаю, как она называется.

— Это Огибалово, — сказал водитель. — Но так оно только по почтовому адресу значится, а в народе называется матерно.

— Почему же матерно? — рассмеялся Женя.

— Его так ещё до революции называли. Говорят, тамошний граф был большим охотником до женского пола. Ни одну девку замуж не выдавал, пока самолично не проверит её достоинства. Такой, говорят, у него был обычай. Не знаю, правда ли это, или выдумка. Но легенда такая ходит. Поэтому, мол, прозвали деревню бранным словом, а усадьбу спалили во время революции.

— А я было подумал, что это руины после бомбёжки, и даже решил заметку написать о том, почему бы в этом строении с колоннами не провести ремонт и не переделать его в дом культуры.

— Какая там культура? — воскликнул водитель. — Тут не дом культуры, а другой дом надо открывать. Народ местный памятливы, не позволит устраивать концерты на месте бывшего притона...

Водитель не успел договорить, как машину резко занесло, и она пошла юзом в сторону кювета. Плавно нажав на тормоз, чтобы сбавить скольжение, водитель почти склонился над баранкой руля и сумел войти в колею.

— Вот чёрт! — в сердцах произнёс он. — Не хватало ещё заночевать в канаве или за трактором переться на ночь глядя. Слава богу, пронесло! Теперь уже и до графских развалин, кажись, недалеко, доберёмся. — Вглядываясь на поблёскивающие впереди лужи, водитель помолчал, а затем вернулся к прежней теме: — Кстати, меня тоже удивляет эта история с усадьбой. Если б граф был другим человеком, то, наверное, давно бы уже отремонтировали бывший барский дом. Но уж больно крепка память народная. Столько лет прошло, революции, войны, а о проделках графа здесь до сих пор забыть не могут.

— Вообще-то если посчитать, то после революции времени прошло не так уж много, — заметил Женя. — Всего лишь сорок три года. Должно быть, ещё живы очевидцы, и они могут рассказать, что было на самом деле.

— Стариков не припомню, а вот бабки, действительно, живы, — согласился водитель. — Я вообще-то из другого района, но случается бывать здесь по делам промкооперации, так что кое-что знаю.

Между тем в ветровом окне вспыхнули молнии и на фоне чёрного неба показался далёкий холм с крышами изб и качающимися, как маятники, редкими огоньками уличных фонарей.

— Подъезжаем, — сказал водитель.

Вскоре стали отчётливее видны линии улиц и при спуске к речке остатки бывшей усадьбы.

Не сбавляя скорости, машина пошла по деревне. Несмотря на ещё непоздний час, во многих домах был погашен свет. То ли люди испугались грозы, то ли устали от дневных забот и рано улеглись спать. Вот только собаки не дремали. Услышав шум мотора, они, как верные сторожа,

устроили шумную встречу незваному гостю. Некоторые вынырнули из подворотен и выбежали навстречу машине.

— Вот бесы, — усмехнулся водитель, и в этот момент он резко нажал на тормоз.

Но не четвероногие охранники заставили его сделать неожиданную остановку, а появившийся словно из-под земли мужчина с непокрытой головой в расстёгнутой телогрейке. Первая мысль, которая пришла в голову, — пьяный. Но, приглядевшись, водитель и Женя увидели, что человек крепко стоит на ногах и машет рукой с просьбой о помощи.

Остановив машину, водитель приоткрыл дверь и спросил:

— Что случилось?

— Беда! Матери плохо, — сильно волнуясь, срывающимся голосом произнёс мужчина.

— Что с матерью?

— Сердце. Нужно на станцию за неотложкой.

— Почему не вызовешь по телефону?

— Нет связи.

— Ну что ж, садись, — водитель пригласил мужчину в кабину, но тот почему-то остался на прежнем месте.

— Чего ж не садишься?

— А как я мать одну оставлю?

— Попроси соседей.

— Не могу. Поссорились мы вчера.

— Вот незадача, — водитель посмотрел в сторону Жени. — Послушай, может быть, побудешь здесь, пока мы за врачом слетаем?

— Хорошо, — согласился Женя.

Он вышел из машины и пошёл следом за мужчиной к распахнутой калитке, за которой из окошек избы-пятистенки слабо струился свет.

Сняв в сенях дождевик, Женя прошёл в избу, половину которой занимала большая русская печь. Возле неё над полатями был пристроен голбец, широкая крышка которого служила покоем, и там за занавеской находилась больная старушка.

— Мама, я поеду за доктором, — негромко сказал мужчина. — Вместо меня побудет вот этот молодой человек. Если что, он даст лекарство, ладно?

— Хорошо, поезжай, — слышался слабый голос старушки.

Оказавшись в незнакомом доме, Женя растерянно огляделся по сторонам. В отличие от многих крестьянских жилищ здесь было мало икон. На стенах висели пожелтевшие фотографии и несколько старых литографий, на одной из которых была изображена старинная усадьба с большим домом с колоннами, возможно, та, от которой остались только развалины.

— Что же ты стоишь, сынок? — Женя услышал обращённый к нему женский голос. — Присядь к столу. Покушай, пожалуйста. В кувшине — топлёное молоко. В тарелке под полотенцем — хлеб. Не стесняйся. Стаканы чистые, — старушка говорила по-матерински негромко и заботливо. Чувствовалось, что её мучает боль, и казалось удивительным, как она находит силы проявлять заботу о постороннем, совершенно незнакомом человеке.

— Спасибо, вы только не волнуйтесь, — сказал Женя и, стараясь не нарушить покой больной женщины, подошёл к столу у занавешенного окна, сел за лавку, налил в стакан молока и отпил несколько глотков, утоляя жажду, почувствовав нахлынувший голод, нашёл хлеб.

— Когда поужинаешь, посуду оставь на столе, — продолжила старушка.

— Спасибо, вы не беспокойтесь, — ответил Женя.

Свет из-под абажура не доходил до занавески, и поэтому трудно было разглядеть находящуюся там хозяйку. Однако сквозь щёлку в занавеске на какое-то мгновение показалось её очень обыкновенное старческое лицо и блеснули глаза, исполненные грусти и надежды. Не желая тревожить больную женщину, Женя сделал вид, что не заметил её пронзительного взгляда. Допив молоко и съев несколько кусков хлеба, Женя подумал, что надо чем-то заняться. Он расстегнул пуговицы пиджака, вынул из внутреннего кармана блокнот и авторучку и решил подготовить план материала по командировке.

Собственно говоря, фабула была донельзя банальна. Молодую учительницу направили после педучилища в сельскую начальную школу. Обещали предоставить нормальное жильё, обеспечить учебниками,

инвентарём. На самом же деле девушку обманули. Поселили в пристройке с протекающей крышей, а школу вообще не подготовили к зиме, даже дров не завезли. Вот молодая учительница и написала письмо в редакцию, по которому Женя приехал вначале в район, а затем в деревню. Проверка подтвердила изложенные в письме факты. Но выяснилось и другое. Председателю колхоза не понравилось, что молодая учительница ходит в брюках и курит. На этой почве возник конфликт и, как водится, поползли сплетни о том, что, мол, приезжая хочет поскорее выскочить замуж и соблазняет мужиков, для чего устраивает в клубе вечеринки. Между тем, встретившись с учительницей, Женя узнал, что она решила организовать художественную самодеятельность и даже поставить спектакль, но денег на реквизит и декорации ей не дали. Более того, председатель, будучи однажды под хмельком, публично оскорбил учительницу, назвав бранным словом. Возник скандал, слух о котором дошёл до районных властей. Но в районе не хотели выносить сор из избы, поэтому Женю по приезде в райцентр попросили не предавать гласности поступок председателя. Женя же сказал, что вначале должен во всём разобраться, а затем уже решать, о чём писать и о чём не писать. В итоге он возвращался из командировки, как отфутболенный мяч, и теперь, оказавшись в роли ангела-хранителя, мучительно думал о том, как же надо изложить материал, чтобы его напечатали.

Открыв блокнот на чистой странице, Женя записал первый пришедший на ум заголовок — «Скандал в глубинке», но тут же подумал, что это, наверное, банально, и зачеркнул написанное, решив, что надо более строго определить тему и показать её общественную значимость. Впрочем, слово «глубинка» ему понравилось, и он решил оставить его, но вместо «скандала» написал другое. Получилось «ЧП в глубинке». Затем он подумал о том, что, в сущности, важно не перечисление фактов, а концовка, то есть выводы, которые помогли бы решить исход этой заурядной и типичной истории.

Склонившись над блокнотом, Женя припомнил заключительный разговор с председателем, который заявил ему: «Вот ты вроде бы образованный человек, а жизни ещё не знаешь. Я тебе не для печати скажу: твоя героиня, хоть и юный специалист, но уже не девушка. До приезда к нам она успела сделать аборт». «Откуда это известно?» — настороженно спросил Женя. «Моя сестра — гинеколог в районной

поликлинике», — заявил председатель». «Ну, и что это значит?» — спросил Женя. «А это значит, что так называемый автор письма — девица лёгкого поведения, и неизвестно, чему она научит наших ребятишек», — усмехнулся председатель. Он сделал презрительное выражение лица и заявил: «Знаешь, можно быть образованным, но дураком. А можно два класса окончить и быть умным. В этом отношении даже почитаемый всеми Лев Толстой написал просто глупость в своём “Воскресении”. Он ни черта не разобрался в проблеме падших баб». «Почему же? По-моему, как раз-таки глубоко разобрался в вопросах этики», — возразил Женя. «А я думаю, что он в своей Ясной Поляне ни хрена не разобрался. Вот и ты, хоть и образованный, но встаёшь на сторону гулящих баб. Впрочем, пиши чего хочешь, а меня в первую очередь интересует производство. И чтобы народ из деревни не сбежал». Припомнив это признание, Женя задумался и зачеркнул предыдущий заголовок, но сочинить новый не успел, так как в этот момент вновь послышался голос за занавеской:

— Ты пишешь?

Женя машинально ответил:

— Да. Вам это мешает?

— Нет, я люблю смотреть, когда люди пишут. Кто-то потом читает, но вначале пишут. Помнишь Библию? «Вначале было Слово». А я видела человека, который очень хорошо понимал, что это значит, и он тоже писал.

— О ком вы? — невольно вырвалось у Жени, и он запоздало понял, что лучше бы не задавал этого вопроса, так как непроизвольно спровоцировал собеседницу на продолжение разговора.

Она же, казалось, только этого и ждала, может быть, потому, что хотела уйти от своей боли, а может, чтобы не чувствовать себя одинокой. Поэтому ответила быстро:

— Теперь он уже покойник. Он умер семь лет назад. Не у нас. За границей. Максим Горький говорил, что это был самый лучший писатель двадцатого века.

Женя был обескуражен услышанным. Между тем женщина ненадолго смолкла. Её молчание оборвало развернувшуюся нить воспоминаний. Женя принял эту паузу как укор в свой адрес, но ошибся, так как вскоре из-за занавески вновь послышался неторопливый, словно лесной ручей, ровный голос:

— Ты не ослышался, когда я сказала, что он тоже писал, — продолжила старушка, и Женя убедился в том, что сейчас ей хочется не тишины, а общения.

Не поднимая головы от блокнота, он стал почти машинально записывать неожиданный рассказ скрытой за занавеской старушки. Впрочем, это был даже не рассказ, а поток нахлынувших воспоминаний, которые у каждого человека всегда связаны с чем-то незабываемым и очень дорогим.

3

Вот что записал Женя.

— Вижу, ты впервые в наших краях. Значит, не ведаешь про то, кто мы такие. А мы люди подневольные, ведь и сейчас у нас полной свободы нет.

— То есть как нет? — обиженно воскликнул Женя. Он подумал, что старуха начала бредить.

Но она уверенно продолжала повествование:

— Ты не думай, что я схожу с ума. Нет, пока я ещё в себе, хотя и не в полном здравии. Однако ты должен понять меня. Кстати, как тебя зовут?

— Женя.

— Сколько тебе лет, Женя?

— Двадцать четыре.

— Женат?

— Пока холост.

— А я — Марья Ивановна. Мне скоро восемьдесят. Ты даже представить себе не можешь, как зажилась я на белом свете, сколько всего перевидала, натерпелась. А ведь я всего на тринадцать лет моложе Ленина и почти одноклассница покойного Сталина. Так что пережила и последних царей, и последних вождей. Мне уже некого и нечего бояться, только старухи с косой. Вот и сегодня она вроде бы как у моих дверей ходит.

Женя встревожился:

— Мария Ивановна, да вы о чём? Сейчас доктора привезут. Медицина у нас многое может, мы ведь спутники запускаем!

— Знаю. Как-никак радиоточка в избе есть. Но ты знаешь, Женя, одно дело говорить про спутники в городе, другое — в деревне. Ты-то сам откуда?

— Из Москвы. В прошлом году окончил факультет журналистики. На работу направлен по распределению в вашу область.

— Выходит, что деревня для тебя, городского человека, как говорится, тёмный лес?

— Получается, что так, — признался Женя.

— В таком случае, Женя, тебе предстоит узнать много неожиданного и неприятного. Например, ты знаешь о том, что у нашей сельской молодёжи даже паспортов нет?

— То есть как нет? — в полном недоумении отозвался Женя.

— А вот так. Говорят, колхозы сохранять нужно, поэтому, чтобы молодые не разбежались, им паспорта только в день выборов выдают, да и то под расписку.

— Неужели это правда?

— Да, правда. Такую практику ввёл Сталин, а нынешние власти не спешат её отменять. Так что у наших парней выход только один — в армию. А потом не возвращаться. У девок же наших путей нет никуда, кроме как в полеводы, животноводы, доярки. Исключение — дочери наших начальников. Их на учёбу послать могут за счёт колхоза, потом в город в какое-нибудь учреждение определить. А остальные продолжают жить как крепостные.

— Но ведь крепостное право в России отменили сто лет назад?

— Эх, мил человек, это только на бумаге его отменили, а ведь по жизни этого не сделали ни цари, ни большевики. При царях после отмены крепостного права земля оказалась у помещиков. А это были князья, графы, поместные дворяне, у них после крепостной реформы остались права на землю. Наделы можно было получить только за выкуп. А у кого из крепостных были деньги? Почти ни у кого. Поэтому в прошлом веке после шестьдесят первого года наши деды хоть и получили право на выкуп, но считались временнообязанными, выполняли барщину, разные принудительные работы, платили оброк. Я-то хорошо помню ту несвободу, и сейчас то же самое продолжается.

— Выходит, вы хорошо помните историю графских развалин?

— Конечно, помню. Только тогда это были никакие не развалины, а большой красивый барский дом со многими пристройками (беседками, амбарами, баней, конюшней, псарней), вишнёвым и яблоневым садами. Я там служила.

— Сколько же тогда вам было лет?

— Когда меня отдали в прислуги, мне исполнилось двенадцать. В тот год умер отец, и нас у матери осталось четверо сирот мал мала меньше. Мама тогда сказала: «Не пущу в услужение к графу». Но её уговорили, мол, пока я малолетка, ничего ужасного не случится. Сперва меня определили на кухню выносить помои, мыть посуду, стряпать, а спустя год допустили в покои графа. Его дурная слава до меня уже дошла, я знала, что до девок да молодых баб он большой охотник. Я и сейчас помню его лицо, пухлое, с бакенбардами, глаза похотливые, блудливые, на вид как будто заспанные. Как увидит бабу погрудастее или девку покрепче, так и делается как медведь на пасеке. Входить в его покои было всегда страшно, даже когда он был совершенно трезв. В любую минуту он мог хлопнуть по заднему месту, ущипнуть, сказать нехорошее слово. Что и говорить, граф был не то что бабник, а настоящий развратник. Мы это знали и часто просили вместо себя идти к нему девок постарше и поопытнее, особенно после обеда, когда ему то почту надо было срочно подать, то принести подушки на диван из другой комнаты, то ещё что-нибудь. Не любила прислуга эти послеобеденные походы, после них нередко случались не только неприятности, но и беды. Я помню Глашу, которая утопилась, Веру, которая повесилась. За эти муки мы по-своему мстили графу. Стоишь, бывало, с подносом у двери в главную залу и думаешь, чего бы такого ему устроить, чтобы на душе стало полегче. Чаще всего плевали со злости в глазунью. И когда он брался за вилку, мы выскакивали за дверь с радостью от совершённого, пусть небольшого, но подвига, и довольные, вот, мол, тебе, чёрт старый, наше возмездие за твои беспутные мерзости.

Совсем иными были у нашего графа дочери и сыновья. Один из них окончил университет, выучился на врача и жил в Москве. Другой служил морским офицером в Петербурге. Оба были люди семейные, образованные, культурные. Когда они приезжали, граф переставал самодурствовать и в деревне наступала другая жизнь.

Однажды я пошла в соседнюю деревню к тётке, сестре матери, и мы отправились в лес по ягоды. В тот год земляника уродилась. Едва вернулись, как началась гроза. Такую грозу я видела потом только в тридцатом году. Тогда наши мужики восстали против коллективизации, взялись за вилы, ружья, обрезы и решили идти в райцентр свергать советскую власть. Не знаю, кто подбил их на такой шаг, но смех один, что из этого вышло. Не успели мужики выйти из деревни, как из района приехали красноармейцы. Поставили на пригорки пулемёты и давай строчить в воздух. Мужики решили, что это по ним палят, и разбежались куда глаза глядят. Кто-то на крыше притаился, кто-то в стоге сена укрылся, а сосед наш в кадушку залез. Кадушку водой заливать стало, и сосед чуть не утонул. Его оттуда жена веником выгнала.

Но я сейчас не про ту, а про другую грозу вспомнила. Это было в год коронации царя Николая Второго. Тогда в поместье приехало много гостей. Некоторые отправились на прогулку в тарантасах. А тут случилась гроза. Мы с тётёй как раз вернулись из леса. Только вошли в избу, кузовки поставили на стол, как начался сильный гром и ливень. В этот момент у нашей избы остановился экипаж. С облучка выскочил кучер и юрк в избу.

— Примите деток барских, — говорит.

Ну, мы, конечно, помогли. Господа вошли в избу, тётка кланяться принялась, растерялась. А я расторопная была, принесла полотенца, предложила утереться, усадила по лавкам и увидела, что все они, особенно дети, не столько по сторонам глядят, сколько на ягоды.

— Угощайтесь, гости дорогие, — сказала я.

Тётка тоже сообразила, что барчуков надо уважить, полезла в погреб за кринками молока, достала с полок посуду. Дети охотно принялись за ягоды, но к кружкам не притронулись. И тут я поняла, в чём дело. Кружки, которые подала тётка, были в крошках хлеба, не помыты и не протёрты, а барчукам это не по нраву пришлось. На улице они могут грязный камень в рот положить, а тут брезгуют.

— Подождите немного, — сказала я и пошла споласкивать и насухо протирать кружки.

Одна из молодых барынь потом тоже молока попросила и обратилась ко мне:

— Девочка, мне кажется, что я тебя уже где-то видела?

— Так я у вас в прислугах, — сказала я.

— Сообразительная девочка, — ответила барыня.

На следующий день на кухню зашёл приказчик и сказал, что меня переводят в комнаты к барыням. Наш повар даже нож на пол уронил.

— Ты смотри, Маша, какая шустрая, — сказал он. — Не успела на кухне как следует послужить, как тебя приметили. Хорошо служи барыням. Глядишь, в люди выведут, возьмут с собой в Москву или в Петербург.

4

Женя продолжал молча слушать и записывать рассказ своей собеседницы. Он не перебивал её вопросами даже тогда, когда она отвлекалась, как в случае с грозой тридцатого года, предварив его грозой более раннего времени, относящейся к лету тысяча восемьсот девяносто шестого года.

Между тем старая женщина продолжала воспоминания:

— Молодые барыни были ко мне добры. Я выполняла всё, что они говорили, прибирала в комнатах, ухаживала за их детьми, гостям прислуживала. Именно в ту весну-лето в усадьбу собралось почти всё семейство старого графа, а в августе приехал молодой двадцатишестилетний барин. Он направлялся к своим родным в Елец. По случаю его приезда сыновья графа устроили музыкальный вечер: играли на фортепьяно, пели романсы, читали стихи. Мне тогда велено было подавать гостям яблоки. В тот год уродилось много антоновки. Её кислоовато-сладкий ароматный запах проникал во все уголки усадьбы, и гостям это доставляло явное удовольствие, как и сами яблоки. Я подавала их гостям в больших фарфоровых вазах. В тот вечер наш гость читал стихи. До сих пор помню такие строки:

Горько мне, когда ты, опуская
Тёмные ресницы, замолчишь:
Любишь ты, сама того не зная,
И любовь застенчиво таишь.
Но всегда, везде и неизменно
Близ тебя светла душа моя...
Милый друг! О, будь благословенна
Красота и молодость твоя!

Я впервые в жизни услышала светлые и нежные слова о женщине и была восхищена ими и нашим гостем, который показался мне настолько непохожим на других, что я с интересом стала наблюдать за ним и прислушиваться, что говорил он и что говорят о нём. От нашей горничной я узнала, что наш гость — писатель, и он пишет стихи и рассказы о природе и о любви. Любопытно, что в его присутствии даже старый граф перестал произносить грубости и непристойности. Впрочем, как-то в беседе между ними вышел спор, и граф по привычке сказал:

— Я сужу о женщине по походке. Какова в шагах, такова и в постели.

Молодой гость прервал его и полушутливо-полусерьёзно заметил:

— Это у вас пережитки крепостного права. Вы смотрите на женщин как на лошадей. А теперь во всём мире начинается новый виток цивилизации, который называется эмансипацией.

— Что вы имеете в виду?

— Право женщины на выбор мужчины, на взаимную любовь, и с этим надо считаться даже в родовых дворянских гнёздах.

— А разве вы против наших родовых гнёзд? — возразил граф.

— Нет, я не против родовых гнёзд, — был ответ. — Но я против всего того, что может погубить наши родовые гнёзда, а именно их отсталости, непонимания, что такое любовь мужчины и женщины.

После этих слов у графа густо покраснела шея. До этого я никогда не видела, чтобы чьи-нибудь слова так на него подействовали. Но на этот раз он прервал разговор и удалился в кабинет, где просидел до самого ужина наедине с пистолетами, шашками, нагайками.

Вообще наш гость мало общался с графом, а большую часть времени проводил в кругу молодых господ. Они прогуливались по аллеям, спустились к реке, плавали на лодках, катались на лошадях, играли в крокет. Была тогда такая игра: на специальной площадке деревянными молоточками загоняли шары в проволочные ворота. Но наш гость обычно играл недолго и часто уединялся в беседке, что-то писал. Мне запомнились нечаянно услышанные слова барынь:

— Поразительно, как он держится! А ведь его в прошлом году жена бросила. Ушла к его лучшему другу. Такой удар судьбы не каждый выдержит.

— Невероятно! Да он просто восхитителен! — воскликнула другая барыня.

— Да не просто восхитителен, а настоящий гений, — сказала её старшая сестра.

5

Женя был взволнован услышанным, но решил не задавать вопросов. Между тем его собеседница продолжала:

— Второй раз я увидела нашего гостя спустя много лет. Это было в конце семнадцатого года, в Петербурге, куда я помогла перевезти барыню с внуками. Кстати, ты извини, что я часто забегая вперёд. Спешу. Не знаю, увижу ли утро. Может быть, это моя последняя ночь. Но ничего не попишешь. У каждого человека бывает своя последняя ночь, и тогда хочется думать о самом главном, о родных, о близких, о других добрых людях... Кстати, я забыла сказать, что именно эта барыня взяла меня к себе, и я стала нянькой вначале её детей, а затем и внуков. В деревню мы возвращались только в дачный сезон, поэтому не застали много случившихся там событий и бед. Например, я не видела похорон моей матери, а затем и похорон старого графа, который умер перед японской войной и не застал революцию пятого года, а поэтому не узнал о том, что в Москве за участие в декабрьских событиях был арестован его сын, врач, который потом погиб в Гражданскую войну, где был на стороне красных. Но я опять забегая вперёд. Впрочем, это и неудивительно, ведь одним из самых памятных стал семнадцатый год. Тогда мне уже исполнилось тридцать четыре. Я осталась старой девой, никто не отважился брать замуж, у меня ведь не было ни кола ни двора.

Февральскую революцию я застала в Питере, а вот Октябрьскую увидела в самом её разгаре. Я тогда как раз барыню с дочерьми и внуками сопровождала из деревни. Поезда уже ходили плохо. Добираться пришлось с пересадками. Из Москвы ехали через Ржев. Ночью в вагон ворвались вооружённые солдаты и стали выгонять пассажиров на улицу. Разумеется, все стали возмущаться такому произволу. А наша барыня заявила солдатам: «Что вы себе позволяете?! Я — жена контр-адмирала и пожалуюсь военному министру!» На что один из солдат закричал: «Бей буржуев! А барыню — под колёса!» Не знаю, откуда у меня только сила взялась. Я вцепилась в этого солдата двумя руками и закричала на весь вагон: «Уйдите, окаянные!» В этот момент в вагон вошёл какой-то начальник в кожаной куртке и кожаной фуражке с маузером в руке.

Строго спросил: «Что здесь происходит?» «Да вот, женщину хотят под колёса бросить», — сказала я. Увидев мой простой бабий наряд, этот командир приказал оставить барыню в покое, но сообщил на весь вагон: «Граждане! Только что пришло сообщение. В Питере победила революция! Поэтому прошу всех выйти — мы поедem на помощь восставшим в Москве!»

У Жени внезапно перестала писать ручка, видимо, кончились чернила. Пытаясь привести её в порядок, он несколько раз встряхнул её и нечаянно выронил на пол. Звук упавшего предмета был негромким, но собеседница уловила его и спросила:

— У тебя что-то случилось, Женя?

— Да вот, ручку уронил, — сказал он, успев достать к этому времени карандаш, который по обыкновению всегда имел при себе как запасной вариант. Чтобы не прерывать исповедь собеседницы, Женя спросил: — Мария Ивановна, вы видели революцию в Питере?

— Да. Мы добрались туда с великими мучениями. Ожидали, что город будет разбит боями, а увидели его совершенно невредимым. Как и прежде, бегали извозчики и ходили трамваи. Работали магазины и рынки. Не слышно было выстрелов. Это, оказывается, в Москве случились тогда побоища и поубивали тысячи людей с той и с другой стороны, а в Питере кровь покуда не лилась. Правда, красного цвета было много. На флагах, которые висели на улицах, и на петлицах марширующих красноармейцев, а также солдат и матросов.

Вспоминая те дни, скажу, что нам несказанно повезло, что мы не задержались в Москве и приехали именно в Питер. Барыня тогда очень беспокоилась за судьбу мужа, который находился в Кронштадте и, как выяснилось потом, вместе со своими кораблями встал на сторону революции. Но среди приходивших к нам в те дни старых знакомых было очень много тех, кто революцию не принял. Среди них был и тот, о котором я начала свой рассказ. Помню, он пришёл к нам по какому-то неотложному делу, кажется, просить адреса уехавших из России ещё в феврале-марте знакомых. Барыня тогда весьма ласково встретила его, велела накрыть в гостиной стол и рассказывала, с какими муками добиралась из усадьбы в столицу. Упомянула и то, как я набросилась на взбунтовавшихся солдат во Ржеве со словами «окаянные». «Окаянные — это точно сказано. Это все наши сегодняшние дни», — заметил наш гость.

С тех пор больше я не видела его никогда. Говорили, что он уехал из Питера вначале в Одессу, а потом за границу.

6

Женя продолжал почти стенографировать рассказ собеседницы и узнал, что в девятнадцатом году она вернулась в родную деревню ввиду того, что в Питере стало жить нелегко: почти всех уравнили в жилплощади, прислугу отменили.

— Я вернулась, когда спалили усадьбу графа, — говорила Женина собеседница. — Уже тогда остались одни развалины. Стала работать в сельсовете уборщицей, истопницей, сторожем. В двадцать четвёртом, вскоре после смерти Ленина, вышла замуж за инвалида Гражданской войны, но спустя два года он был убит кулаками, оставив меня вдовой с поздно родившимся сыном, которому тогда шёл второй годик. В тридцатых я была председателем местного колхоза. В войну, когда мужиков позабирали на фронт, как и все наши бабы, пахала на себе колхозную землю. В общем поработать пришлось как тягловой кобылице. Удивляюсь, как смогла пережить многих подруг. Но теперь, видимо, приходит и мой черёд. И вот я не знаю: зря или не зря прожита моя жизнь. Может, она окаянная какая-то, а может, так и должно было быть. Что ты, Женя, скажешь об этом?

Женя вздрогнул, услышав этот вопрос. Что, собственно говоря, он, годящийся во внуки этой женщине, может сказать ей?

В этот момент послышался шум мотора, и вскоре в дом вошёл сын хозяйки и вместе с ним старичок с саквояжем, оказавшийся доктором районной больницы.

Спустя полчаса уже по дороге к станции доктор сказал Жене:

— Плоха бабушка. Медицина ей уже не помощница. А вот сын её, Иван, — молодец. Заботится о матери, как говорится, до последнего патрона.

— Как, вы сказали, зовут её сына? Иван? — спросил Женя.

— Да. Иван, — повторил доктор. — А почему это вас удивило?

Жене не хотелось пересказывать только что услышанную историю, и поэтому он ответил, как думал:

— Бунина тоже звали Иваном.